

УДК 811.161.1'37 + 811.111'37

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЖАНРА ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ (на материале анализа притчи о блудном сыне)

Е. Ю. Балашова

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: balashovaelena@yandex.ru

Статья посвящена изучению жанровой специфики религиозного христианского дискурса, а также особенностей дискурсивного функционирования такого вторичного религиозного жанра, как евангельская притча. Автор выделяет лингвокогнитивные составляющие притчи о блудном сыне в православном и протестантском дискурсах.

Ключевые слова: религиозный христианский дискурс, первичные и вторичные религиозные жанры, внешняя интертекстуальность, внутренняя интертекстуальность, лингвокогнитивное моделирование.

Discourse Specifics of the New Testament Parable Genre (on the Material of the Analysis of the Prodigal Son Parable)

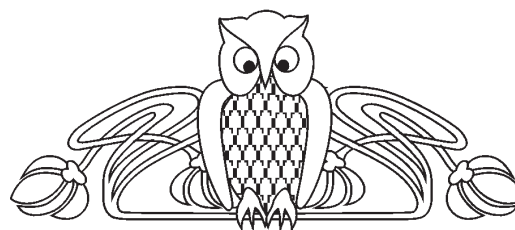
E. Yu. Balashova

The article is dedicated to the research of the genre specifics of religious Christian discourse and the peculiarities of discourse functioning of such secondary religious genre as a New Testament parable. The author singles out linguo-cognitive components of the Prodigal Son parable in Orthodox and Protestant discourses.

Key words: religious Christian discourse, primary and secondary religious genres, external intertextuality, internal intertextuality, linguo-cognitive modeling.

В последние десятилетия особую актуальность приобрели работы, посвященные религиозному христианскому дискурсу, в которых делается попытка выявить как общие фундаментальные признаки данного языкового феномена, так и специфику функционирования отдельных его жанров, концептуальных полей, семантических групп и т. д. Практически во всех исследованиях отмечается сложность структурирования данного вида дискурса, в частности, огромное количество разножанровых текстов, что делает невозможным объективно охарактеризовать это смысловое поле – **религиозный христианский дискурс** – на основе только социо-коммуникативной, лингвокультурной, речевой или языковой моделей.

Текстовый материал религиозного христианского дискурса в целом принадлежит к первичным религиозным жанрам, поскольку если представить Священное Писание в качестве первоначального образца религиозного дискурса, некой первоосновы, то все остальные жанровые разновидности (проповедь, исповедь, молитва и др.) «вытекают», строятся и существуют на его базе, имея в своей

основе цитаты, отсылки к тексту Священного Писания. В этом можно наблюдать внутреннюю интертекстуальность религиозного дискурса, касающуюся распределения отношений жанровых образцов внутри самого дискурса. Религиозный христианский дискурс обладает и внешней интертекстуальностью или интертекстуальностью в широком смысле, понимаемой как связь отдельных жанровых образцов религиозного дискурса со всей совокупностью существующих речевых произведений (не обязательно религиозного характера) – по линии содержания, жанрово-стилистических особенностей, структуры, формально-знакового выражения. В том, что касается внешней интертекстуальности, религиозный дискурс не отличается от любого другого вида дискурса. Внутренняя интертекстуальность в том виде, как она присутствует в религиозном дискурсе, присуща только данному типу общения¹.

К вторичным религиозным жанрам относят речевые жанры, представляющие собой своеобразную интерпретацию и модификацию первичных религиозных образцов – текстов Священного Писания, опирающихся на них композиционно, ситуативно и ценностно, – святоотеческие писания, духовная поэзия, церковная публицистика, проповедь, молитва, исповедь и т. д. В целом необходимо отметить, что выделение жанров в религиозном дискурсе представляется несколько сложным с той точки зрения, что невозможно выбрать единое основание для подобного выделения.

Несмотря на то что притчи включены в текст Евангелия, они представляют собой особый религиозный жанр, занимающий своеобразное положение между первичными и вторичными религиозными жанрами. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют два аспекта притчи – *ретроспективный*, поскольку она подытоживает целый ряд ситуаций, имевших между собой общие, типические черты, и *перспективный*, так как слушатели способны применить содержание притчи к новой конкретной ситуации, в которой они оказались². Основными функциями этого жанра повествования, по мнению указанных исследователей, являются типизация жизненных ситуаций, а также управление поведением адресата в соответствии с определёнными парадигмами поведения, эксплицитно содержащимися в притче и получающими ту или иную этическую оценку.

В фокусе исследований западных лингвистов и библеистов находится триада «притча – аллегория – метафора». В XX в. большинство западных учёных, занимавшихся исследованием притчей, чувствовали необходимость отграничивать притчи от аллегорий. Подчёркивалось, что притчи строятся вокруг одного центрального пункта сопоставления между событиями рассказа и Царством Божиим, каким его представляет слушателям Иисус, а потому из каждой притчи можно извлечь лишь один главный урок. Второстепенные детали имеют значение лишь в той мере, в какой они подкрепляют и усиливают центральную мысль. Аллегии же – это более сложные рассказы, в которых подлжит «расшифровке» большее число деталей. Однако некоторые современные исследователи считают, что притчи Иисуса можно признать аллегориями³. Это не означает, что каждая деталь притчей облагает собственным смыслом, такого требования к аллегорическому жанру не предъявляется. Многие детали служат исключительно для создания фона или усиления интереса к персонажам для большей выразительности создаваемой картины.

Обычно к числу элементов, обнаруживающих аллегорический уровень значения, принадлежат главные герои притчи, и приписываемое им значение должно соответствовать тому, что могла воспринять первоначальная аудитория в данных исторических обстоятельствах. По мнению К. Бломберга, евангельские притчи представляют собой аллегии, независимо от дополнений и интерпретаций позднейшей традиции, и вполне вероятно, что каждая из них несёт в себе более одного смысла.

В свою очередь, другая группа западных учёных-библеистов стоит на позициях отождествления притчи с метафорой. Выдающимся поборником понимания притчи как метафоры принято считать Поля Рикера, который перечислил шесть различий между традиционным и современным пониманием термина «метафора», во всех случаях отстаивая современный подход:

1) как основную единицу смысла нужно рассматривать не отдельное слово, а всё предложение;

2) метафора – это не отклонение от буквального значения слова, а создание напряжения путём сопоставления слов, которые обычно не вступают в сочетание друг с другом («этот человек – волк», «добрый самарянин»);

3) понимание метафоры возникает не из выявления сходства между буквальным и переносным значениями включённых в неё слов, а из ощущения шока, вызванного сочетанием обычно несовместимых слов;

4) поэтому метафоры – не подмена буквального языка, а семантическая инновация;

5) их нельзя перевести языком пропозиций, как обычно пытаются сделать;

6) поэтому метафора – не просто литературное украшение, а способ передачи информации о реальности⁴.

Если признать «новый» взгляд на метафору верным, то, будучи метафорами, притчи не могут быть также аллегориями. Можно сказать, что притчи, подобно метафорам, «перформативны», а не «пропозициональны» – то есть они не передают информации, а осуществляют некий акт: обещают, предостерегают, сообщают дар или призывают к чему-то⁵.

С позиций отечественных и западных библеистов, богословов и других исследователей Нового Завета, некой когнитивной матрицей всего религиозного христианского дискурса является концептуальное поле *любовь*, наиболее ярко объективируемое притчей о блудном сыне.

Как в лингвокультурологических, так и в богословских источниках притча о блудном сыне тематически связывается с притчами о заблудшей овце и о потерянной драхме, поскольку они входят в цикл притч «об утраченном», имеющийся только у апостола Луки. Все три притчи объединены одним семантическим стержнем – любовью и всепрощением Бога по отношению к человеку, и метафорически описывают образец Божьего человеколюбия.

Однако Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют в притче такие дополнительные аспекты анализа, как психологические составляющие покаяния блудного сына и его возвращение, тем самым смещая акцент с субъекта Божественной любви на её объект, то есть на человека. Исследователи представляют пять ступеней раскаяния:

1) осознание гибельности своего греховного состояния: «Аз же гиблю» (Лк. 15: 17);

2) необходимость признания и исповедания своих грехов: «Отче, согреших на небо и перед тобою» (Лк. 15: 21);

3) присутствие стыда, смирения и самоосуждения: «Несмы достоин нарециися сын твой» (Лк. 15: 21);

4) готовность принять и понести заслуженное наказание: «Сотвори мя яко единого от наемник твоих» (Лк. 15: 19);

5) наличие не только намерения, но и действия, реального обращения на праведный путь: «И востав иде ко отцу своему» (Лк. 15: 18)⁶.

В свою очередь, в центр анализа данной притчи А. Вежицкая ставит именно Божью любовь ко всем людям, описывая скорее её следствия и проявления, а не качества и свойства, что более характерно для богословских интерпретаций. Таким образом, можно говорить о превалировании прагматического аспекта в толковании содержания притчи А. Вежицкой. Исследовательница представляет пятичастную структуру анализа обсуждаемой притчи:

1) часть А указывает на всеобъемлющую любовь Бога и на тот факт, что возможность «жить с Богом» открыта для всех;

2) часть В указывает на возможность «отвернуться от Бога» и на то, какая это потеря для данного человека;

3) часть С описывает непрекращающуюся заинтересованность Бога в отдельном индивидуе, который отвернулся от Него, и на постоянное желание Бога простить и с радостью принять этого человека назад;

4) часть D указывает на то, что всегда возможно «обращение» человека и его «возвращение» к Богу;

5) часть E указывает на то, что Бог хочет, чтобы этот человек – не просто все люди вообще, но данный конкретный человек как индивид – «вечно жил с Богом», и на Божью любовь к данному конкретному человеку⁷.

Таким образом, проведённый нами обзор лингвокультурологических источников толкования притчи о блудном сыне позволяет представить следующие бинарные когнитивные компоненты в её составе: «разрыв с субъектом вследствие греховности объекта – желание / побуждающее действие субъекта к возврату догреховного состояния»; «раскаяние объекта – всепрощающая любовь субъекта».

Тот же набор когнитивных пар может быть выделен и в толкованиях исследуемой притчи богословскими источниками, однако названные когнитивные корреляции приобретают дополнительные семантико-понятийные составляющие.

Так, Б. И. Гладков подчёркивает, что прощение Бога, как и Его любовь, абсолютны и не содержат упрека в отличие от человеческого прощения, это прощение с радостью: «...Грешнику достаточно опомниться, прийти в себя, оглянуться на своё прошлое, осудить себя в раскаянии, хотя бы и вынужденном, вспомнить о милосердии Божьем, сказать: “Пойду к Отцу моему”, – и действительно пойти; и Бог с радостью примет блудного сына своего, который был мёртв и ожил, пропал и нашёлся»⁸.

Примечательно, что в Ветхом Завете состояние греха сопоставляется с состоянием смерти: Адам стал смертен именно после грехопадения, смертность стала наказанием за непослушание.

Прощение человека не обладает той абсолютной полнотой, которая присутствует в Божьем прощении: «А мы, грешные, когда у нас просят прощения, сначала поставим согрешившему на вид все его грехи, нередко преувеличив их значение, поглумимся над ним, растравив все его сердечные раны, и лишь по окончании такой нравственной пытки простим его. Поступая так, мы оправдываем себя тем, что проделываем всё это для пользы брата, что этим доводим его до раскаяния, сознания своего греха, но ведь тот, кто просит прощения, кто говорит: “Я согрешил против неба и пред тобою”, тот уже сознал свой грех, покаялся и, следовательно, не нуждается в доведении его до раскаяния»⁹.

Феофилакт Болгарский также указывает на полноту и абсолютность Божьего прощения: «Он не дожидается, пока сын дойдёт до него, но сам спешит навстречу и обнимает его. Ибо, будучи по

природе Отцом, Бог есть Отец и по благодати. Он весь всего обнимает сына, чтобы со всех сторон соединить его с Собой...»¹⁰.

Иоанн Златоуст подчёркивает, что отец ничего не отвечал на слова кающегося сына, но засвидетельствовал своё прощение действием: «Кающийся много молится, но, не получая ответа словесного, видит милосердие на самом деле»¹¹.

Таким образом, данные богословских источников толкования притчи о блудном сыне позволяют выделить такие когнитивные единицы в её составе, как *абсолютная полнота, милосердие, необъятность, действительность*.

Для выявления когнитивных составляющих исследуемой притчи в протестантском дискурсе необходимо провести анализ специфики ее толкований в западноевропейских источниках. Так, К. Бломберг указывает на триадическую структуру притчи с тремя главными темами: блудный сын – отец – старший брат¹².

Традиционный подзаголовок притчи о блудном сыне в качестве главной темы выделяет призыв грешников к покаянию, независимо от того, сколь низко они пали¹³. В первую очередь, именно эта особенность притчи бросается в глаза большинству читателей, поскольку она противостоит их естественной готовности сурово осудить блудного сына. Тем не менее многие учёные больше внимания уделяют второму, кульминационному разделу повествования и видят главную мысль в осуждении жестокосердного старшего брата¹⁴. В таком случае основная тема – обязанность христианина радоваться чужому спасению.

Однако в англоязычном протестантском Евангелии выделяется ещё одна тема данной притчи – любовь Бога. Именно такое толкование сближает её с православными источниками: «Luke adds two parables (the lost coin, 8–10; the prodigal son, 11–32) from his own special tradition to illustrate Jesus' particular concern for the lost and God's love for the repentant sinner»¹⁵. В таком случае главная тема притчи раскрывается в необычайной любви отца к обоим сыновьям и его долготерпению.

К. Бломберг отмечает: «Читая эту притчу, мы склонны отождествлять себя лишь с одним из её персонажей, а потому имеет смысл читать её трижды, стараясь осмыслить эти события с разных точек зрения. Любая попытка исключить ту или иную точку зрения вынуждает нас пройти мимо чего-то очень существенного в учении Иисуса. Наличие трёх основных тем в притче убеждает, что избежать аллегорического толкования не удастся. Каждый персонаж со всей очевидностью означает кого-то иного. Можно сказать, все комментаторы отмечали родство между блудным сыном и теми “мытарями и грешниками” (ст. 1), за привязанность к которым критиковали Иисуса; между старшим

братом и “книжниками и фарисеями”, из уст которых исходила эта критика (ст. 2), хотя многие исследователи данные два стиха считают собственным комментарием Луки»¹⁶.

Так, на основе протестантских богословских источников представляется возможным выделить следующие когнитивные единицы в структуре притчи о блудном сыне: *покаяние, спасение, Бог, любовь, долготерпение*.

Когнитивные единицы *Бог* и *любовь* были выделены и при анализе православных толкований притчи. Можно утверждать, что они составляют когнитивное ядро всей притчи в целом. В свою очередь, и когнитивная единица *милосердие*, выделенная нами в православном дискурсе, семантически близка единице *долготерпение*, входящей в структуру протестантского дискурса.

Примечательно, что единицы, специфичные для протестантского дискурса (*покаяние, спасение*), имеют своим объектом человека и направлены на него, тогда как единицы, характерные для православного дискурса (*необъятность, действенность*), имеют своим объектом Божью любовь, раскрывая её признаки.

Таким образом, исследование жанровой специфики религиозного христианского дискурса способствует выявлению его глубинных семантико-когнитивных структур. Лингвокогнитивный анализ первичных и вторичных религиозных жанров позволяет не только выявить особенности их дискурсивного функционирования, но и установить лингвофилософские, теологические и лингвокультурные сегменты исследуемого типа дискурса.

УДК 81'42

СУБЪЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Е. Н. Васишлина

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова
E-mail: helen-vasilishin@mail.ru

В статье актуализируется коммуникативно-прагматический подход к художественному дискурсу, который предполагает обязательную нацеленность дискурса на адресата/реципиента, без которого его (дискурса) рассмотрение считалось бы неполным и не состоявшимся.

Ключевые слова: художественный дискурс, текст, декодирование, прагматическое воздействие.

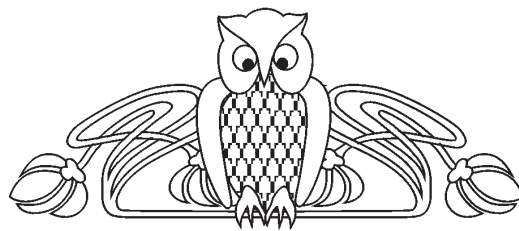
Subjective Aspects of Art Discourse Perception

Е. N. Vasilishina

In this article the communicative and pragmatic approach to art discourse is realized, which assumes that the discourse is obligatorily

Примечания

- 1 См.: *Бобырева Е.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, 2007. С. 41–42.
- 2 См.: *Верецагин Е., Костомаров В.* Язык и культура. М., 2005. С. 741–742.
- 3 См.: *Бломберг К.* Интерпретация притчей. М., 2005. С. 73.
- 4 См.: *Ricoeur P.* The Rule of Metaphor. Toronto ; L., 1977. P. 173–215.
- 5 См.: *Бломберг К.* Указ. соч. С. 145.
- 6 См.: *Верецагин Е., Костомаров В.* Указ. соч. С. 746.
- 7 См.: *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 239.
- 8 *Гладков Б.* Толкование Евангелия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. С. 511.
- 9 Там же. С. 510.
- 10 *Феофилакт, Архиепископ Болгарский.* Святое Евангелие от Луки с толкованием блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. М., 2004. С. 374–375.
- 11 *Барсов М.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем : в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 217.
- 12 См.: *Бломберг К.* Указ. соч. С. 184.
- 13 См.: *Wilcock, M.* The Saviour of the World : The Message of Luke's Gospel. Leicester ; Downers Grove, 1979. P. 149–157.
- 14 См.: *Danker F. W.* Jesus and the New Age : A Commentary on St. Luke's. Philadelphia, 1988. P. 275.
- 15 The New American Bible : Revised New Testament. 1986. P. 227.
- 16 *Бломберг К.* Указ. соч. С. 186–187.

aimed at an addressee / recipient, without which discourse analysis would be considered incomplete and unaccomplished

Key words: art discourse, text, decoding, pragmatic impact.

Феномен художественного дискурса актуализируется в последние десятилетия по причине установленной конгруэнтности между художественным текстом и речевым актом. По мнению Н. Д. Арутюновой, «литературной коммуникации, так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный акт (эстетическое воздействие)»¹.

Художественный дискурс манифестируется в качестве субстрата адекватных интерпретаций